

Языковые особенности текста молитвы *Отче наш* на марийском языке, записанной Г. Ф. Миллером

Олег СЕРГЕЕВ

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
им. В.М.Васильева, Йошкар-Ола
olsemar@rambler.ru

Молитва «Отче наш» в переводе на марийский язык участника Второй Камчатской экспедиции немецко-русского историка, археографа Петербургской Академии наук Г. Ф. Миллера записана в 1733 году. А впервые произведение религиозного содержания с переводом на марийский язык было напечатано ещё 28 лет раньше в книге амстердамского географа-путешественника Н. К. Витсена (см. Witsen 1705). Памятник начала XVIII столетия Г. Ф. Миллера является вторым марийским переводным текстом и первым текстом, который написан кириллицей. В настоящее время эта рукопись хранится в коллекциях Г. Ф. Миллера в Архиве Санкт-Петербургского отделения Российской Академии наук (ф. 21, оп. 5, ед. хр. 168, фонд Миллера). В данной единице хранения насчитывается 171 лист и на л. 26 об.–27 помещен марийский перевод молитвы «Отче наш». О том, как был сделан перевод, говорится в донесении путешественников в Санкт-Петербургскую Академию, посланном в декабре 1733 г.: «Пришли к нам четыре толмача татарского, черемисского, чувашского и вотского языка, которых помощью проф. Миллер, за неимением случая к иным исследованиям (курсив наш – О. С.), на сих 4 языках знатнейшия слова написал и *Отче наш* на черемисский и чувашский языки перевел, понеже в данных от академии инструкциях всех чужих языков пробы собирать велено» (МИИАН III: 407). Перевод осуществлен 29 ноября 1733 года, о чем свидетельствует запись самого Миллера: «29 ноября, способом двух толмачей черемисца и чуваша, которые больше других разумеют (понеже татары и вотяки весьма глупее себя быть оказали) переводы молитву *Отче наш*» (л. 26 об.). Об этом же он упоминает в своей книге: «...и помощью вышеупомянутых

толмачей Господню молитву отче наш на Черемисской и Чувашской языки перевел, которой переводы к тому же приобщены...» (Миллер 1791: 29). Р. Бушков в одной из своих работ сделал предположение, что инициатором перевода молитвы был В. Пуцек-Григорович. По замечанию Р. А. Бушкова, он «один из тех, кто вызвался перевести для ученого немца с помощью своих учеников молитвы «Отче наш» на чувашский и марийский языки (Бушков 2016: 143). Г. Ф. Миллер хорошо был осведомлен, что «...переводы Господней молитвы на различные языки по мнению некоторых ученых в нынешния времена також много к разсуждению о происхождении и о сходстве языков способствуют...» (Миллер 1791: 29), т.е., взявшись за перевод молитвы «Отче наш», он продолжил дело своего земляка Г. В. Лейбница.

В другой рукописной тетради Г. Ф. Миллера (ф. 21, оп. 5, ед. хр. 6, л. 128–128 об.) также находим «Переводъ молитвы отче нашъ: на Черемисскомъ языкѣ». Он выглядит следующим образом: *«Атьѣ мининъ кѹда кюшна – Юма вольгѣлтешъ люмѣтъ тининъ тѳлешъ кѹкша тининъ этлеешъ эрекъ тининъ кѹзе кюшне – юма тѳгокъ, мелѣнтеста, киндемъ мемнанъ чѣлла-кѣчинъ, пу маланна тѳча утѳра маланна парѳнгечъ мемнанъ кѹзе ми утѳрешна налиашкечъ мемнанъ, итѳ вѳде мемнанъ нѳтъ нѳтъ сирлѳга мемнанъ шайтангечъ. нѳтъ тининъ кѹкша ви, чѳябъ чилле-годомъ».*

Сравним русский вариант молитвы: *«Отче нашъ, иже еси на небесахъ, да святится имя твое, да приидетъ царствіе твое, да будетъ воля твоя, яко на небеси, и на земли: хлѣбъ нашъ насущный даждъ намъ унесъ, и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ, и не введи насъ во искушеніе но избави насъ отъ лукаваго. Яко твое есть царство, сила, слава во вѣки».*

В русскоязычном тексте Г. Ф. Миллера марийские слова записаны при помощи 26 букв: 8 гласных, 16 согласных и 2 безгласные; они следующие: **а, б, в, г, д, е, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ч, ш, ъ, ь, э, ю, я.**

Сравнивая перевод текста с русского на марийский язык, отметим, что они отличаются. Отличие наблюдается в предложении *хлѣбъ нашъ насущный даждъ намъ унесъ*, которое переведено как *киндемъ мемнанъ чѣлла-кѣчинъ, пу маланна тѳча*. Если первое предложение дословно переводится как *мемнан киндым йѳр пытарен*, а второе – *дай нам хлеба каждый день*.

Из-за того, что толмач не учел особенностей синтаксиса марийского предложения, язык текста кажется трудным. Не случайно, за исключением нашей статьи (Сергеев 2004: 88–91), текст до сегодняшнего дня

еще никем не анализирован. Марийские исследователи отмечают только то, что перевод является дословным с русского языка без всяких соблюдения грамматических норм марийского языка; поэтому, по их мнению, он без оригинала совершенно не понятен (Эман 1939: 52; Васильев 1953: 257; Патрушев 1958: 12; Лаврентьев 2004: 214). Отдельные лингвисты оценивают его значение только как сохранившийся памятник письменности марийского языка (Иванов 2003: 53). Однако с таким мнением мы не согласны. При внимательном чтении, учитывая диалектные особенности того периода, его содержание вполне можно понять. Сравнивая марийский и русский тексты молитвы, можно констатировать, что толмач чувствовал определенные трудности в переводе таких лексических единиц русского языка, как *царствіе*, *(во) искушеніе*, *царство*. Это вполне понятно, так как в начальный период становления письменности марийский язык вообще не имел своей терминологии или к тому времени был слабо развит. Толмач, не находя эквивалент лексемам *царствіе* и *царство*, перевел их как *кукиша*. Под данным словом мы восстановим форму *күкиш* досл. 'высокий', ср. *күкиш* 'высокий; значительный, замечательный, большой; великий, почетный', семантика слов близка. В связи с неимением в русской графической системе марийских букв *ӱ* и *ӧ* они зафиксированы как *у* и *а* (вместо *о*). Что касается выражения *(во) искушеніе*, толмач произнес – *нет, нет*, т. е. в марийском языке для данного слова он не может найти пару. Г. Ф. Миллер его таким образом и зафиксировал. Такие же проблемы были в переводе этих единиц в тексте Н. К. Витсена. Определенную корректировку требуют лексические единицы *этлеешь* (*ерекъ*) и *паранъгечь*. Понять первое слово может помочь нам немецкое издание книги Г. Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков...», где в качестве приложения напечатан на латинице марийский перевод «Отче наш». По сравнению с кириллицей, в латинском варианте перевода соблюдено расположение слов в предложении. Вместо рассмотренного сочетания в книге Г. Ф. Миллера мы находим форму *erek etleesch* (Müller 1759: 410), ср. *eraket leesch* 'будет воля твоя' (совр. мар. *эрыкет лиеш* 'тж'). Фиксированный материал констатирует, что неправильно определена граница слов. Притяжательный суффикс 2-го лица ед. числа прикреплен к глаголу. В свое время, не имея под рукой вариант на латинице, мы неправильно интерпретировали данное выражение (Сергеев 2004: 89). А в словоформе *паранъгечь* (*утара*) 'остави намъ долги' видим два слова: *парымъ* 'долг' и послелог *гечь* 'от', что дословно обозначает 'спаси от долгов'. На наш взгляд, из-

за небрежного почерка при переписывании перепутаны последние две буквы **ы, м** с графемами **а, н**.

Из других особенностей можно отметить на то, что послелого пишутся слитно с предшествующим словом, ср., например: *паранъгечъ, налшашъкечъ, шайтангечъ*. Исключение составляет лишь послелог *годомъ* (лит. *годым*), выражающий временное отношение, который оформлен как сложное слово сочинительного типа, ср. *чилле-годомъ*. По традиции русской графики в ауслaute всех марийских слов после согласных пишется графема **ь**. За исключением некоторых слов (*кюшина, юма, эрекъ, туюгокъ, ну, ми, налшашкечъ, вюде, шайтангечъ, ви, чъябъ*) в марийских лексемах проставлено ударение. Следует подчеркнуть, что в иных словах место ударения не совпадает с современной постановкой ударения. Это мы наблюдаем в таких лексических единицах, как *мининъ, волгалтеш, толеш, кўзе, чїлла, парым* (совр. *мыйын, волгалтеш, толеш, кузэ, чыла, парым*). Специфические марийские фонемы *յ [ü], ө [ö]*, отсутствующие в русской графической системе, Г. Ф. Миллером обозначены с графемами **ю, а, е**, ср., например: *кюшина, люметъ, кукиша, кюшине, (итъ) вюде*, ср. *кўшинö, лўмет, кўкишö, (ит) вўдö*. Иногда буква **ю** выступает там, где ее не должно быть, ср. *туюгокъ* 'также' вм. совр. мар. *тугак, тугок*.

Что касается локальной принадлежности молитвы «Отче наш», то она по своим фонетическим особенностям приближается к малмыжскому говору восточного наречия. Об этом свидетельствует явление «икания», а также употребление переднеязычной **с** вместо целевой шумной фонемы **ш**, ср., например: *мининъ, тининъ, чилла, кечинъ, мелентеста*, ср. лит. *мыйын, тыйын, чыла, кечын, мландыште*. К тому же в «Собраниях речей» (они хранятся в данной коллекции, см. ф. 21, оп. 5, ед. хр. 168) имеются марийские лексемы, отражающие в большинстве случаев черты малмыжского говора восточного наречия (об этом подробно см. Сергеев 2002: 27).

Марийский перевод молитвы «Отче наш» впоследствии напечатан в качестве приложения к немецкой и русской версиям «Описания живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков...» (Müller 1759: 410–411; Миллер 1791: 100, см. также: Adamović 1981: 75).

Рукописный и печатный варианты марийской молитвы, написанные на кириллице, почти ничем не отличаются. Разница только в том, что в отдельных словах опубликованного текста проставлены ударения, которые отсутствуют в неопубликованном варианте, ср.: *юма, эрыкъ, вюде*.

Они соответствуют современным нормам. Отметим, что Г. Ф. Миллером использована система постановки ударения русской скорописи, т. е. в тексте молитвы им применены надстрочные знаки акут (´) и гравис (˘). Акутом, как и в других письменных памятниках марийского языка, обозначалось главное ударение, и он ставился всегда в инлауте слова, например: *кúда, тíнинь, кúкша, утáрешна, сирлáга* и другие. Грависом отмечено конечное ударение, ср.: *атъè, люмèтъ, мемнàнъ* и некоторые другие. Из-за близости начертания отдельных графем при печатании допущены ошибки в двух словах: *игъ* 'не' вм. *итъ* 'тж'; *шайтонгечъ* 'от лукавого' вм. *шайтан деч*, ср. *шайтан* 'дьявол, черт, шайтан', *деч* 'от'. В остальных случаях орфография и пунктуация полностью совпадают.

Марийская молитва, написанная латинской графикой Г. Ф. Миллером, отличается лучшим качеством. Это, в первую очередь, обнаруживается в графике и синтаксисе. Одно из достоинств текста состоит в том, что для обозначения специфической марийской фонемы *y* Г. Ф. Миллер использовал букву *ü*. К сожалению, она применяется непоследовательно. По сравнению с текстом Николааса Витсена, заимствованный из русского языка союз **и** встречается только один раз (подробнее об этом см. Сергеев 2005а: 189–192).

Сравните немецкий вариант молитвы. Он в современном написании приведен из книги Т. Микола (Mikola 1975: 8–9):

«Unser Vater, der Du bist im Hemmel, Dein Name werde geheiligt, Dein Reich [zu uns] komme, Dein Wille geschehe, so wie im Himmel, so auch auf Erden, Unser tägliches Brot, gib uns heute, und vergib uns unsere Schuld, wie [auch] wir vergeben unsern Schuldigern, und führe uns nicht in Versuchung, sondern erlöse uns Von dem Übel. Denn Dein ist das Reich und die Kraft, und die Herrlichkeit, in Ewigkeit, Amen.»

Марийский текст, напечатанный в книге «Sammlung Russischer Geschichte», выглядит следующим образом:

«Minin (1) atjä (2) kuda (3) küschna (4) – júma (5), tinin (6) lümèt (7) wolgáltesch (8), tinin (9) Kukscha (10) tólesch (11) tinin (12) érek (13) étleesch (14), kúse (15) kúschne (16) – júma (17), túgok (18) i (19) meläntesta (20), memnàn (21) tschilla (22) – ketschin (23) Kindem (24) malánna (25) pu (26) tátscha (27), utára (28) memnàn (29) paràngetsch (30–31), kúse (32) mi (33) utáreschna (34) memnàn (35) nalscháschketsch (36–37), it (38) wüde (39) memnàn (40) (fehlet) (fehlet) Sirlága (41) memnàn (42) Schaitángetsch (43–44), (fehlet) tinin (45) kukscha (46), wi (47) tschjab (48) tschillä-godom (49–50)».

Охарактеризуем каждое слово под соответствующим номером:

- (1) **Minin** (*miñin*, *táñân*) ‘мой’, лит. *мыйын* – притяжательная форма личного местоимения 1-го лица ед. числа. Форма полностью соответствует диалектному варианту. Следует отметить, что местоимение *наш* 1-го лица мн. числа переведено на марийский язык в форме 1-го лица ед. числа. Вместо этого слова должно было быть местоимение *тетнан* (*мемнан*). – Pron. Sg. 1.
- (2) **atjü** (*at'a*, *at'ä*) ‘отец’, лит. *ача* – имя существительное ед. числа именительного падежа. Графема **j** (**i**) обозначает мягкость фонемы **t**. Она широко бытует во многих говорах марийского языка. – Заметим порядок слов в сочетании *отче наш*. Если в варианте, написанном на кириллице, это сочетание зафиксировано как *атье минин*, то в тексте, напечатанном на латинице – *minin atjü*. Синтаксис последнего словосочетания соответствует норме. Притяжательная форма *мыйын* требует суффикс *-м* (*-ем*, *-эм*), ср. *мыйын ачам* ‘мой отец’. Словосочетание *отче наш* переводится как ‘мемнан ачана’. – Sub. Nom. Sg.
- (3) **kuda** (*kudo*) ‘который’, по тексту ‘иже еси’ – подчинительный союз. На наш взгляд, **a** на месте **o** явно случайная. – Conj.
- (4) **küschna** (*küšnö*) ‘наверху, вверху; на верхнем (небе) [находящийся]’. Конечное *-na* вместо *-nö* можно объяснить нечетким произнесением конечного гласного.
- (5) **jüma** (*jümo*) ‘бог’ – имя существительное в номинативной форме. Что касается **a**, то это явная описка или ошибка чтения. В анализированном тексте данная лексема является ненужной. Толмач имел в виду, если в небесах, то это бог, и добавил лишнее слово, см.: № 4.
- (6) **tínin** (*tíñin*) ‘твой’ – форма генитива от личного местоимения 2-го лица ед. числа *тый* ‘ты’, ср. совр. мар. *тыньын*, *тиньын*, лит. *тыйын*. – Pron. Sg. 2.
- (7) **lümèt** (*lümét*) ‘имя твоё’. Имя существительное *лүм* ‘имя’ плюс притяжательный суффикс 2-го лица ед. числа *-et*, т.к. предшествующее слово (см.: № 6) требует притяжательный суффикс. Форма соответствует современной. – Sub. Nom. Sg. 2.
- (8) **wolgältesch** (*volyaltés*) ‘светится, почитается’. Глагол 3-го лица ед. числа настояще-будущего времени. Если не считать место ударения в слове, то форма полностью соответствует современной. – V. Pres. Sg. 3.
- (9) **tínin** (*tíñin*) ‘твой’ – см. № 6.

- (10) **Kukscha** (*kükšö*) ‘высокий; значительный, замечательный, большой; великий, почетный’. Данная лексема служит эквивалентом для слова *царствие*, ср. также *царство* ‘1. (*царствование*) кугыжа лиймаш; 2. (*государство во главе с царём*) кугыжаныш (РМС 1966: 816). Она употреблена как имя существительное. Нам кажется, что в первой половине XVIII века в словарном составе марийского языка еще не было лексем *кугыжаныш* ‘государство’ или толмачу данный термин был не знаком. Поэтому толмач перевел его как *күкшö*, т. е. сидящий или находящийся высоко, хотя в рукописных словарях марийского языка XIX века слово *кугыжаныш* в значении ‘государство’ встречается весьма часто. Интересно отметить, что до 90-х годов XX столетия оно также входило в состав редких и забытых слов марийского языка. В настоящее время лексема *кугыжаныш* активно употребляется в лексике языка. Запись **-а-** как **-ö-** так же, как в № 4. Написание данного термина с большой буквы, на наш взгляд, можно трактовать как привычную для Г. Ф. Миллера систему написания имен существительных в немецком языке. Аналогичным образом написано существительное *Kindem* (*kindəm*) ‘хлеба’ (см. № 24). – Adj.; Sub.
- (11) **tólesch** (*tolésš*) ‘идет, придет’. Глагол 3-го лица ед. числа настоящего-будущего времени. Если не считать место ударения в слове, то форма вполне соответствует современному написанию. Ударение падает на последний слог. – V. Pres. Sg. 3.
- (12) **tínin** (*tíñin*) ‘твой’ – см. № 6, 9.
- (13) **érek** (*éräk*) ‘воля, свобода’ – имя существительное в номинативе ед. числа, **e** вместо ожидаемого **ы**. – Sub. Nom. Sg.
- (14) **étleesch** (*lieš*) ‘будет’. Первый слог не относится к данной словоформе. **-et (-em)** – это притяжательный суффикс 2-го лица ед. числа. Прав автор, когда над этим слогом поставил ударение, т. к. он всегда ударный. Тогда в лексеме *éreket* гласный **e** безударный. Лексическая единица неправильно разделена с предшествующим словом *érek*, ср. *eräkét*. Допущена ошибка в членении слова между *eräkét* и *lieš*. Наличие первого **e** вместо **i** можно объяснить неточным письмом. – Sub. Nom. Sg. 2; V. Pres. Sg. 3.
- (15) **küse** (*kuzé*) ‘как’ – наречие. На месте **s** должна быть буква **z**. При печатании окончательное ударение (гравис) по ошибке переместилось на первый слог. – Adv.

- (16) *kúschne* (*kúšnō*) ‘наверху,верху; на верхнем (небе) /находящийся?’. Конечное *-ne* вместо *-nō* можно объяснить нечетким произнесением ауслатного гласного.
- (17) *júma* (*júmo*) ‘бог’ – см.: № 4.
- (18) *túgok* (*tuyák*, диал. *tuyók*) ‘также’ – наречие. Оно образовано от наречия *tuye* и плюс усилительная частица *-ak* (*-ok*). – Adv. Part.
- (19) *i* (*i*) ‘и’ – сочинительный союз, заимствованный из русского языка. По сравнению с текстом Н. Витсена, он встречается только один раз. Это в какой-то степени говорит о мастерстве толмача. Переводчик без нужды не увлекался заимствованным союзом. – Conj.
- (20) *melüntesta* (*mlandāšte*) ‘на земле’ – имя существительное в инессиве, ср.: *mlande* + *šte*. В данном слове можно предполагать описку **t** вместо **d**, **a** вместо **e**. – Sub. Ine. Sg.
- (21) *memnàn* (*memnám*) ‘нас’ – личное местоимение в винительном падеже. По ошибке ауслатная буква **m** напечатана как **n**. По контексту словоформа является лишней, т.к. в тексте имеется слово *malanna* ‘нам’ (о нем см.: № 25).
- (22) *tschilla* (*čělá*, *čilá*) ‘каждый’. Ударным является конечный слог. Двойную **ll** можно объяснить неправильным произношением информанта. В современном литературном языке вместо лексемы *чыла* выступает ее синонимичный вариант *кажне* ‘каждый’. – Adj.
- (23) *ketschin* (*kečēn*) ‘каждый день, ежедневно, повседневно, с каждым днем’. Написание **i** вместо **ē** можно объяснить с непониманием природы марийского редуцированного звука **ы**. – Sub. Inst. Sg.
- (24) *Kindem* (*kindēm*) ‘хлеба’ – имя существительное в винительном падеже. Оно, как и в немецком языке, у автора написано с большой буквы. **e** вместо **ē**, см.: № 23.
- (25) *malánna* (*mālanná*) ‘нам’. Слово вполне соответствует диалектному варианту.
- (26) *pu* (*pu*) ‘дай’ – повелительная форма глагола II спряжения, 2-е лицо, ед. число. Лексема полностью соответствует современному написанию. – V. Imp. Sg. 2.
- (27) *tútscha* (*táče*) ‘сегодня’ – наречие времени. Ауслатную графему **a** вместо **e** можно объяснить нечетким произношением. Отметим, что данная лексема в тексте является лишней, так как уже имеется сочетание *tschilla ketschin* ‘каждый день’ (см.: № 22, 23).
- (28) *utára* (*utáre*) ‘спаси’ – повелительная форма от глагола II спряжения *утарауш* ‘спасать’; 2-е лицо, ед. число. Буква **a** вместо **e**, см.: № 27. – V. Imp. Sg. 2.

- (29) *memnàn* (*memnám*) ‘нас’. Из-за неразборчивого почерка вместо **m** напечатана буква **n**, см. также: № 21.
- (30–31) *paràngetsch* (ср. русский вариант *паранъгечь*) (чит. *párâtm yâĭ / deĭ*). В современном марийском языке такой словоформы не существует. Восстановить ее нам может помочь глагол *утараиш* ‘спасать, спасти’ и, безусловно, русский вариант молитвы, где эквивалентом выступает лексема *долги*. Приняв во внимание сказанное, мы интерпретируем ее как существительное *парым* ‘долг’ и послелог *гыч* ‘от’, что дословно обозначает *спаси от долгов* (по тексту *остави намъ долги*). В литературном языке вместо послелога *гыч* употребляется послелог *деч*, ср. *парым деч* ‘от долгов’. На наш взгляд, из-за небрежного почерка при переписывании перепутаны последние две буквы **ы**, **м** с графемами **а**, **н**. А наличие **е** в слове *гыч* объясняется природой марийской редуцированной фонемы **ы** [ə̃]. Не исключено то, что вместо варианта *getsch* могло быть *getsch*. При наборе текста из-за схожести **g** и **g** вполне могли перепутать эти графемы. Если эта версия правильная, то мы восстановим форму *detsch* (*deĭ*). – Sub. + PoP.
- (32) *kúse* (*kuzé*) ‘как’, см. № 15. По сравнению с № 15 ударным является первый слог. – Adv.
- (33) *mî* (*me*) ‘мы’ – личное местоимение 1-го лица мн. числа. Что касается **î**, то это явная описка или ошибка чтения. – Pron. Pl. 1.
- (34) *utáreschna* (*utárâšna*) ‘спасли, спасали’ – глагол 1-го лица мн. числа I прошедшего времени. **е** вместо **â** можно объяснить природой марийской фонемы **ы**. – V. Imp. Pl. 1.
- (35) *memnàn* (*memnán*) ‘наш’ – личное местоимение в генитиве; 1-е лицо, мн. число. – Pron. Pl. 1.
- (36–37) *nalscháschketsch* (*nalšâš yâĭ*). В словоформе не учтена граница слов. Она состоит из двух частей: причастие *nalschasch* в значении существительного ‘долг (за кем-либо)’ и послелог *ketsch* (орф. *гыч*) ‘от’. В последнем слове после шипящего **š** видим оглушение. Как и в № 30–31, послелог *гыч* написан слитно с предшествующим словом. Причастие образовано от глагола I спряжения *налаиш* ‘брать’. В литературном языке вместо послелога *гыч* употребляется *деч* ‘от’. – Pspl. + PoP.
- (38) *it* (*it*) ‘не’ – отрицательная частица повелительного наклонения; 2-е лицо, ед. число. – Part. Sg. 2.

- (39) *wüde* (*vüdü*) ‘веди’ – повелительная форма от глагола II спряжения *güdaan* ‘водить, вести, направлять движение’. Лабиальная фонема *ö* осталась незамеченной. – V. Imp. Sg. 2.
- (40) *memnàn* (*memnám*) ‘нас’, см.: № 21, 29.
Сочетание *во искушение* осталось без перевода. Толмач не смог найти ему эквивалент, и поэтому было зафиксировано в скобках два раза слово из немецкого языка *fehlet*, ср. нем. *Fehler* ‘1) ошибка, 2) недостаток, изъян’; *fehlen* ‘1) недоставать, не хватать, 2) отсутствовать, 3) ошибаться, провиниться’ [НРС 1967: 170]. Эту же проблему в переводе термина «*во искушение*» мы обнаружили в тексте Н. Витсена.
- (41) *sirlága* (*serláye*) ‘избави’, совр. мар. *serlage* – повелительная форма от глагола II спряжения *serлагаan*. Он имеет следующие значения: ‘1. ограничиваться, ограничиться; довольствоваться, удовольствоваться; обходиться, обойтись; 2. удовлетворяться, удовлетвориться чем-л. достигнутым; успокоиться, мириться, примириться с чем-л.; 3. защитить от кого-л., заступиться; остеречься, предостеречься от чего-л.; помиловать, проявить милосердие’, ср. также: *yumo serlage* ‘господи помилуй; храни боже’ [СМЯ 2001: 188–189]. Для данного слова более подходит третье значение. Вместо современного *e* зафиксированы буквы *i*, *a*. Интересно отметить, что в словах вместо конечной буквы *o*, *ö*, *e* везде стоит графема *a*, см.: № 3, 4, 5, 10, 16, 17, 20, 27, 28, 39.
- (42) *memnàn* (*memnám*) ‘нас’, см.: № 21, 29.
- (43–44) *Schaitángetsch* (*šajtán ɣäč / deč*). В реальности здесь два слова: *Schaitán* ‘лукавый’, ср. совр. мар. *шайтан* ‘(в народной мифологии дьявол, черт, шайтан)’ и *getsch*, совр. *гыч* ‘от’, т. е. допущена ошибка в членении на слова. Как и в родном языке автора, существительное *шайтан* написано с прописной буквы. В литературном языке вместо слова *гыч* употребляется послелог *деч*, см. также № 30–31. В своём рукописном словнике (ф. 21, оп. 5, ед. хр. 168) и в книге Г. Ф. Миллер русскому слову *дьявол* приводит эквивалент ‘*шайтань*’ (Миллер 1791: 82). – Sub. Nom. Sg. + PoP.
- (45) *tínin* (*tínin*) ‘твой’, см.: № 6.
- (46) *kukscha* (*kükšö*), см. № 10. В данном контексте лексема *kukscha* употреблена в значении ‘царство’. По сравнению с № 10, слово написано с маленькой буквы. Отметим, что первоначально для русского слова *царство* толмач не мог найти пару и Г. Ф. Миллер

- вместо нее написал на родном языке слово *fehlet*, о нем см.: № 40. Однако после личного местоимения *tinin* добавлена лексема *kukscha*.
- (47) *wi* (*vij*) ‘сила’, орф. *vui* – нарицательное имя существительное в именительном падеже, в ед. числе. – Sub. Nom. Sg.
- (48) *tschjab* (*čap*) ‘слава’ – существительное в именительном падеже, в ед. числе. Ауслатная глухая **p** выражена звонким вариантом **b. j** (**i**) может обозначать палатальность **č**, т. к. в марийском языке фонема **č** всегда мягкая. – Sub. Nom. Sg.
- (49–50) *tschillä-gódom* (*čělá / čilá yodēm*) ‘во веки’. Словоформа отражена как сложное слово сочинительного типа. Она состоит из двух компонентов: *tschillä* и *gódom*. В современном марийском языке слово *чыла* имеет шесть значений, в данном контексте оно приближается к первому значению, ср.: ‘все; то, что имеется, есть, будет, необходимо; наличное’ (СМЯ 2003: 480). Послелог *годым* выражает «1. временные отношения и передается а) предлогами во время, в бытность, будучи (кем-чем-л.), б) предлогами за (что-л.), в течение (чего-л., какого-л. срока), ср. также: *чыла годым* ‘всегда’» (СМЯ 1990: 366–367). Как уже было отмечено выше, послелог с предшествующим словом пишется отдельно, и он всегда безударный. В первом слове в конце наличествует **ä**, а в № 22 в этой же лексеме зафиксирована **a**, а в тексте, написанном русской графикой, стоит **e**. В лексической единице *yodom* **o** вместо **ä** можно объяснить с лабиальной гармонией, что особенно характерно для восточного наречия марийского языка, также см.: № 22.

В последнем предложении «*Яко твое есть царство, сила, слава во веки*» осталось без перевода слово *есть*, что в переводе на марийский язык должно было звучать, как *уло*, ср.: *tinin kukscha, wi, tschjab tschillä-yodom ulo*.

Лингвистический памятник XVIII века Г. Ф. Миллера на латинице в количестве 50 марийских лексем содержит следующие 22 буквы (7 гласных, 15 согласных: **a, ä, b, c, d, e, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, ü, w**) и буквосочетания **sch, tsch**, использованные для обозначения щелевого шумного двухфокусного *ш* (*š*) и среднеязычной смычной аффрикаты *ч* (*č*).

Нельзя не отметить, что Г. Ф. Миллер в конце марийских слов не ставил букву **h** (в русской транслитерации – **г**). В его же рукописном памятнике «Собраніе рѣчей» (ф. 21, оп. 5, ед. хр. 168) графема **г** используется довольно часто. Она ставилась в основном после гласного **a**. Гра-

фона г употреблена Миллером для передачи долготы ударных гласных, как это принято в немецкой орфографии. Итак, можно констатировать, что гласному а в марийском языке присуща наибольшая длительность (более подробно см. Сергеев 2002: 23; 2005: 72–75).

Из других способов графической передачи фонем и фонетических явлений можно отметить: 1) фонема ч [č] передана сочетанием четырех букв **tsch**, ср., например: *tschilla, ketschin, tatscha, tschjab*; 2) фонема ш [š] – буквосочетанием **sch**: *wolgaltesch, tolesch, leesch, utareschna*; 3) в середине слова *tschilla/tschillä* 'каждый' фонема л [l] передана двумя ll; 4) лабиальная фонема ъ [ü] передана с помощью как ü, так и u, ср.: *küschna, lümet, wüde, kuschne, kuchscha*; 5) фонема ö – графемами а и е, ср.: *kuchscha, kuschne*; 6) палатальность согласных иногда отмечена через і и j, ср., например: *minin, atjä, tinin*; 7) неправильная граница между некоторыми словами: см.: № 30–31, 36–37, 43–44, 49–50. Нельзя не сказать и том, что Г. Ф. Миллером подмечено наличие фонемы переднего ряда ä, что характерно малмыжскому говору восточного наречия. Неогубленная гласная ä фигурирует в трёх словах: *atjä, meläntesta, tschillä-godom*.

Проанализировав данный текст можно сделать следующий вывод: содержание молитвы вполне можно понять. Как и в тексте Николааса Витсена, толмач избегал заимствованных слов из русского языка.

Текст молитвы «Отче наш» Г. Ф. Миллера можно восстановить следующим образом:

«Miñin atä, kudo küšnö – júmo, tíñin lümét volyaltéš, tíñin kükšö toleš, tíñin eräkét lieš, kuzé küšnö – júmo, tuyak i mländäšte, [memnán] čälá / čilá kečän kindäm mälanná pu [táče], utäre memnám páräm γäč / deč, kuzé me utaräšna memnàn nalšáš γäč, it vüdö memnám (fehlet) (fehlet), serláye memnám šajtán γäč/deč, (fehlet) tíñin kükšö, vij, čap čäla / čilá γodäm».

Сокращения

ед. хр. – единица хранения; лит. – литературный язык; л. – лист, листок; мар. – марийский язык; об. – оборот; оп. – опись; совр. – современный; см. – смотри; ср. – сравни; ф. – фонд, чит. – читай.

Adj. – Adjective; Adv. – Adverb; Conj. – Conjunction, conjugation; Imp. – Imperative; Ine. – Inessive; Inst. – Instructive; Nom. – Nominative; Part. – Particle, partial; Pcp. – Participle; Pl. – Plural; PoP. – Postposition; Pres. – Presence; Pron. – Pronoun; Sg. – Singular; Sub. – Substantive; V. – Verb.

Список использованных рукописных источников

Архив Санкт-Петербургского отделения Российской Академии наук

- Научные материалы Камчатской экспедиции. Среди них: Г. Ф. Миллер «Житии Блаженного велико князя Михаила Ярославовича Тверского из церковной книги о празднестве его памяти в Твери, вниз по Волге. В Тексте приводятся различные словари, «Ведомости о Амуре», «Реестр присланных от профессоров Камчатской экспедиции вещей» и др. менее значительные заметки. – Ф. 21, оп. 5, ед. хр. 168, фонд Миллера.
- Описание сибирских народов. Перевод. Приложение: краткий параллельный русско-татарско-черемисско-чувашицкий словарь. – Ф. 21, оп. 5, ед. хр. 6, фонд Миллера.

Литература

- Бушков, Р. 2016: Кто такие «шенгел мари»? Ончыко 10: 142–149.
- Васильев, В. М. 1953: Письменные памятники на марийском языке конца XVIII и первой половины XIX в. Ученые записки V. Язык, литература и история. Марийское книжное издательство, Йошкар-Ола. 255–271.
- Иванов, И. Г. 2003: Марий литератур йылме историй / Студент-влакклан тунемме книга. Издательство Марийского государственного университета, Йошкар-Ола.
- Лаврентьев, Г. И. 2004: История марийского письма. Поправки и дополнения. *Linguistica Uralica* 40/3: 213–223.
- МИИАН III = Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 3 (1736–1738). Тип. Имп. АН, Санкт-Петербург, 1886.
- Миллер, Г. Ф. 1791: Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... Санкт-Петербург.
- НРС 1967 = Немецко–русский словарь. Издательство «Советская энциклопедия», Москва.
- Патрушев, Г. С. 1958: Из истории изучения марийского языка. Ученые записки МГПИ. Т. 16. Йошкар-Ола. 3–28.
- РМС 1966 = Русско–марийский словарь. Издательство «Советская энциклопедия», Москва.
- Сергеев, О. А. 2002: Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII–XIX веков. Марийское книжное издательство, Йошкар-Ола.
- Сергеев, О. А. 2004: Особенности перевода на марийский язык молитвы «Отче наш» Г. Ф. Миллером. Актуальные проблемы межкультурных и межъязыковых контактов: Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Н. Т. Пенгитова. Издательство Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской, Йошкар-Ола. 88–91.
- Сергеев, О. А. 2005: Марийские материалы Г. Ф. Миллера в Архиве Санкт-Петербургского отделения Российской Академии наук (ААН). Г. Ф. Миллер и изучение уральских народов (Материалы круглого стола). *Hamburg*. 67–77.

- Сергеев, О. А. 2005а: Язык перевода молитвы «Отче наш» на марийский язык. История и современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов, Сыктывкар. 189–192.
- СМЯ 1 = Словарь марийского языка. Т. I (А–З). Марийское книжное издательство, Йошкар-Ола. 1990.
- СМЯ 6 = Словарь марийского языка. Т. VI (P–C). Марийское книжное издательство, Йошкар-Ола. 2001.
- СМЯ 8 = Словарь марийского языка. Т. VIII (У, Ў, Ф, Х, Ц, Ч). Марийский научно-исследовательский институт, Йошкар-Ола. 2003.
- Эман, С. И. 1939: Дореволюционные письменные памятники на марийском языке. Труды МарНИИСК. Вып. I. Вопросы языка, литературы, фольклора и истории мари. Горномарийский филиал Марийского государственного издательства, Козьмодемьянск. 42–62.
- Adamović, Milan 1981: Das Tatarische des 18. Jahrhunderts. Journal de la Société Finno-ougrienne 77/5: 67–126.
- Mikola, Tibor 1975: N. Witsens Berichte über die uralischen Völker. Aus dem Niederländischen ins Deutsche übersetzt von Tibor Mikola. Szeged.
- Müller, Gerhard Friedrich 1759: Nachricht von dreyen in Gebiete der Stadt Casan vohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotiacken. Sammlung Russischer Geschichte, Bd. III, 4. Stück. St. Petersburg.
- Witsen, Nicolaes 1705: Noord en Oost Tartaryen... Amsterdam.

*

Linguistic features of the text of the prayer *Our Father* in the Mari language, recorded by G. F. Müller

The first coherent text was published in 1705 in the book of the Dutch burgomaster N. Witsen. The prayer *Отче наш* [‘Our Father’] translated by the Mari interpreter and included in Witsen’s book, is a valuable source for the study of contemporary grammar. In this article the German-Russian historian G. F. Müller’s prayer text, written in the 30s of 18th century is linguistically interpreted. The dialect basis of the monument has been determined. The graphic, phonetic, lexical and semantic characteristic of the 290-year-old text is considered. Subsequently, G. F. Müller included this text in his book.

Keywords: grammatical norm, lexical unit, Mari language, written monument, handwritten source, coherent text, interpreter.

OLEG SERGEEV